АРСЕНЬЕВСКАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА В МАРТЕ 1991 г.

Июль 1992 года № 8 (13) • Цена свободная

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ Г. АРСЕНЬЕВА

„И ныне являюсь я к читателю снова,

ХОЧУ НАГРАДИТЬ Я ЕГО ЗА ТЕРПЕНЬЕ, ХОЧУ Я ПРИНЕСТЬ ЕМУ СВЕЖЕЕ СЛОВО, НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО В МОЕМ ПОЛОЖЕНЬЕ...»

ДОЕХАЛИ-то мы быстро, но в дороге одолевали, казалось бы, малозначащие мысли: куда на ночь определить машину? где лучше всего избрать место для продажи газеты? Там, где больше людей. Но где? На Луговой? На Первой Речке, где рынок? И все-таки понимали, что люди туда идут за покупкой одежды, продуктов. А у нас ведь газета, да еще провинциальная. Вроде бы пища... духовная.

Выбрали место на площади, недалеко от «Белого дома». И не ошиблись! Единственное, что успели сразу сделать, подъехав рано утром к месту остановки трамвая, — вывесить объявление о продаже газеты. Но ни повесить ее для обозрения, ни разложить для продажи времени уже не было. Ценник не дали написать: выстроилась очередь. Да какая! Послышались возгласы:

— Не могли приготовиться!

— Чего копаются!

— На работу опаздываем!

— Не лезьте без очереди!

В окно машины тянулись руки с деньгами: тому — все пять номеров, этому — самый свежий, а кому самый интересный, а кому оценить профессиональность газеты.

Старались работать проворнее, но очередь не убывала. И так часа два с половиной. И уже к первой половине дня был продан третий номер газеты (его было меньше других номеров). А к вечеру из пяти выпусков осталось три. Днем наплыв покупателей-читателей поубавился, а к вечеру снова образовалась очередь.

Радовало, что газета быстро расходилась, что люди ознакомятся с газетой, дадут ей оценку, узнают о нас. И тревожило, как воспримут, оценят: ведь газета не похожа на те, что сейчас издаются, она своеобразна. В ней нет стремления к сенсации, к необычному — что сиеминутно и всего понемногу. Она построена на жизненной правде, причем и люди и события — «местного значения». Все пять привезенных номеров взаимосвязаны одним повествованием, и это не дает ей устаревать.

Но уж очень хотелось, чтобы жители нашей приморской столицы узнали, что и мы, провинциалы, живем, думаем, действуем и что беды у всех нас — общие.

За два дня мы продали 2 тыс. экз., чему может позавидовать любой из киосков Роспечати, реализующий не одну, как мы, газету, а не менее 10-ти наименований.

Но главное все-таки было не в этом. Ведь назавтра... Это было еще одной большой радостью: приходили те, кто купил вчера нашу «Арсеньевскую газету». И чего только мы не наслушались!

Были восторги, восхищения, поздравления, лучшие пожелания, были и угрозы, упреки, оскорбления, ругань... И мы поняли: наша газета, наше слово правды нужны людям. Было все — не было только равнодушия! А мы того и хотели: будить в людях мысль, чтобы они задумывались над происходящим, о себе, о своем месте в бурных событиях нашей многострадальной России, чтобы стремились разобраться в причинах столь низкого падения нашего жизненного уровня, чтобы пробудилось желание действовать.

— Ну и что? — вопрошала самоуверенная дама. — Ну, написали... Что от этого изменилось? Лучше жить стало?

— Да вы о Ломакине-то всего три слова написали, — упрекала молодая, ярко накрашенная.

— Хватит с него и этого, — парировала ей просто и аккуратно одетая женщина, стоящая рядом, — он и без описания был виден во всей своей подлости.

— А восьмой номер сегодня уже есть? А когда будет?

— И тебя вместе с твоей газетой надо упрятать, — зло кричит, пробегая мимо, тяжело нагруженная сумками дородная, преклонных лет женщина.

— Да вы, демократы, — кричит с пеной у рта бывший номенклатурщик, лишившийся обжитого мягкого кресла, — развалили страну, а пока руководили коммунисты, было чего поисты, а как стали демократы... Мы лечили и учили народ бесплатно, и кормили народ досыта!

— Это точно! Руками вы водить умели хорошо! И сказку сочинили, обирая народ, о бесплатном лечении и будто народ кормили! Не вы народ кормили, а он вас кормил, холил да ублажал! Дармоедами вы были, а не благодетелями народными! — вступает в перепалку мужчина средних лет, одетый в рабочую одежду, с открытым взглядом спокойных лучистых глаз.

И так все время: уходили одни, подходили другие. Не продажа газеты, а митинг.

Злоба «аристократов» понятна. Но их немного. Подавляющее большинство приходило, уже прослышав от знакомых о нашей газете. И 95 процентов покупателей были настроены дружелюбно, доброжелательно.

— Вы не боитесь? — спрашивала, улыбаясь, женщина, — ведь крайисполком-то рядом. Мало ли чего...

— Вам оружие нужно с собой иметь, — советовал молодой человек, укладывая в карман 7-й номер газеты.

Отказывались от сдачи в пользу газеты, давали свои пятерки-десятки — тоже в пользу газеты. Их было очень много, совершенно разных, но равнодушных среди них не было. И это было наградой.

Ведь мало кто знает, что наша газета издается за наши личные, с трудом собираемые на каждый номер средства. Ничего, кроме убытков, она нам не приносит, не говоря уже о том, что мы, вкладывая в нее свой труд, свое личное время, делаем все это абсолютно бесплатно. Живем в постоянной тревоге, что на очередной номер у нас не окажется нужной суммы. Тем более что, продавая номер газеты за 2 рубля, мы-то за нее платим 2 рубля 40 копеек.

Но мы несем людям правду, истину нашего бытия, зовем думать о будущем, в котором не должны повториться беззакония, пережитые нами, нашим поколением. А это будет зависеть от нас с вами и — чуть-чуть от нашей «Арсеньевской газеты».

Спасибо всем, кто купил нашу газету, кто ее прочитал и остался к ней неравнодушен!

РЕДАКЦИЯ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОЛИТСОВЕТА ДПР

В последнее время лидеры «Демократической России» и ряда других политических организаций призывают провести референдум о созыве Учредительного собрания, о введении президентской республики, о доверии к Съезду народных депутатов РФ по земельному вопросу и т. д. Судя по всему, в России предполагается открыть настоящий сезон референдумов. В этой связи политсовет ДПР считает необходимым высказать следующее.

Мы не сомневаемся, что проведение любого референдума объективно будет способствовать срыву экономических реформ. Правительство и Президент, опасаясь нежелательного исхода референдума, будут вынуждены приостановить реализацию необходимых, но непопулярных мер. С другой стороны, тяжелая экономическая ситуация будет использована для разжигания антиправительственных кампаний под популистскими лозунгами. Референдум неизбежно обострит политическую обстановку, усилит конфронтацию в обществе. В конечном итоге будет подорвана и без того хрупкая политическая стабильность, которую ДПР считает необходимым условием реализации экономических реформ.

По нашему мнению, сегодня крайне важно уберечь общество от попыток втянуть его граждан в очередной виток митинговых страстей. Естественно, что эта позиция тех демократов, которые сделали себе карьеру исключительно на митингах, органически не способны ни к какой созидательной работе. Однако мы надеемся, что судьба России на этот раз будет определяться не радикалами, а избранными органами власти, которые должны получить наконец возможность проводить реформу в условиях хотя бы относительной политической стабильности. Что касается тех или иных референдумов, то их можно было бы провести после того, как будет достигнута первичная стабилизация экономики и истечет срок действия чрезвычайных полномочий Президента.

(Пресс-центр ДПР.)

30 апреля 1992 г.

Между прочим

Чистейшего вранья чистейший образец

Многое из того, что встретило нас во Владивостоке, нами было предугадано. Но чтобы с такой оперативностью журналист «Владивостока» В. Труфанов оповестил своих читателей о том, что на площади г. Владивостока «седовласая старушка», превратившись в коробейника, кричит из окна «Жигулей»: «Газету, газету, покупайте газету!», — никак не предполагали. Продавали газету 28—29 июня, а 30-го «Владивосток» уже опубликовал... Что же он опубликовал? Очень неприглядное вранье, чего наша газета безоговорочно не допускает.

Автору заметки прочесть бы повнимательнее «рукописный плакат» да задать бы несколько вопросов той же «седовласой старушке» — он бы и узнал, что газету прятали отнюдь не в то время, когда начала «печататься на страницах газеты Е. Дегтярева», а гораздо раньше, в октябре — декабре 1991 года. И, следовательно, не ее «Живая история» тому причиной, но та, что, не в пример «Владивостоку», наша газета не макушки сшибает, а «зрит в корень», правдиво освещая жизнь горожан и их насущные проблемы. Мы не врем!

У «АГ» есть одно неоспоримое преимущество перед вашими «маститыми» газетами: мы ни перед кем не заискиваем, потому что мы — свободная газета, ни от кого не зависимая. И мы убеждены, что именно по этой причине за нашей газетой на площади Владивостока выстроилась очередь. Мы не ищем выгоды, критикуя местные власти. Защищать от произвола «хозяев жизни» обездоленные слои населения Приморья мы считаем своим первостепенным долгом. По этой и только по этой причине нашу газету читают и в Большом Камне, и в Уссурийске, и в Преображенье, и в селах близлежащих районов.

И уж если говорить о профессиональности (подозреваем, что он-то и явился тем покупателем, который взял газету «для оценки ее профессионализма»), то этого как раз не скажешь о В. Труфанове как журналисте: всего несколько строк — и — чистейший образец чистейшего вранья (уж извините!)!

РЕДАКЦИЯ «АГ».

МОТИВЫ НЕСОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

неСовременный хор

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим.

И чем далее, тем хуже
Все себя грязним!
Слава нам! В грехах сознанье
Мы творим, смеясь,
И слезами покаянья
Мы разводим грязь.
Гордо, весело и прямо
Всем мы говорим:
«Знаем мы, чем пахнет яма,
В коей мы стоим...»
Смело мы теперь смеемся
Сами над собой
И без страха окунемся
В грязь — хоть с головой...

Толпа

Нас натощак не убеждай,
Но обеспечь для нас работу
И честно плату выделяй —
Оценим мы твою заботу:
Пойдем в палаты заседать
И будем речи вдохновенной
О благоденствии вселенной
Светло и радостно внимать!

Н. ДОБРОЛЮБОВ,
демократ (1862 г.)

АРСЕНЬЕВСКАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА В МАРТЕ 1991 г.

Сентябрь 1992 года • № 10 (15)

Цена свободная

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ Г. АРСЕНЬЕВА

Живя согласно с строгою моралью

Кто ж защитит тебя, „маленький человек“?

(Закон не спит, он просто попирается там, где перед ним «маленький человек»)

Наташа

Это она после расскажет, что, направляя ее ко мне, ей делали напутствие, предупреждая о том, что я человек злобный, недобрый и что, помимо прочего, за мной нужно следить и докладывать им, чем я занимаюсь, что говорю... И тоже уже после будет рассказывать, что была удивлена: ничего злобного во мне не встретила, а, наоборот, моя доброжелательность была для нее отрадной. А вот Резяпову такая ситуация не устраивала.

Наташа — худенькая, щупленькая, в чем душа держится. Она втаскивала на мой 2-й этаж детскую коляску, нагруженную хлебом, бидоном с молоком, прочими продуктами, оставляла мне часть продуктов, внимательно все подсчитав и записав в тетрадь, и продолжала свой путь к другим инвалидам, ждущим ее. Люди, встречавшие ее на улицах, прозвали ее «рабыней Изаурой». Она не обижалась — только улыбалась в ответ.

Много раз горсобесовцы пытались поссорить меня с Наташей, наговаривая на нее. Я им отвечала, что Наташа меня вполне устраивает и делает все добросовестно. Я уже знала, что у нее маленькая дочка Оксана, инвалид, и ей всего семь лет. Знала, что жизнь Наташи трудна, неустроенна, что Оксану оставлять не на кого, хотя она нуждается в постоянном уходе и наблюдении. А трудности людей всегда сближают.

Страшный человек Резяпова. Во 2-м номере нашей газеты за этот год, в письме Е. Беловой, уже рассказывалось о ней.

Я с ней знакома давно. Это она продавала мою автомашину тем, кто стоял в очереди далеко после меня, а я, первая, еще два года была лишена этой возможности. Это она не выплачивала инвалиду Великой Отечественной войны И. И. Грибку компенсацию более года, выгоняя его из кабинета. Мне удалось с помощью врача Л. В. Хрусталевой помочь ему, и тогда Резяпова, выталкивая его из кабинета, бросила ему постыдные слова: «Что ты ходишь к этой безногой? Ты что, спишь с ней?» Когда И. И. Грибок рассказывал мне об этом, из его глаз катились слезы как горошины. Он ведь ходил-то уже с трудом, передвигаясь с палочкой.

О пакостях этой бездушной человеконенавистницы можно рассказывать и рассказывать, ее цинизм известен очень многим инвалидам. Она своих злобствований даже не скрывает, зная, что инвалид беззащитен перед ней и полностью от нее зависим.

Не сумев разжечь конфликт между мной и Наташей, она решила избавиться от нее. Сделать это было несложно при Наташиной жизненной неискушенности.

Умерла 85-летняя Наташина подопечная — парализованная инвалид Глезова. В ее смерти Резяпова обвинила Наташу. Послала сотрудников к Наташиным подопечным, чтобы те написали на нее жалобу. А те, наоборот, написали Наташе свою защиту от преследований Резяповой. Но это не обескураживает нахалку — ей пишут «докладные» подчиненные ее отдела, которые и ложатся в основу отстранения Наташи от работы. Вместо нее Резяпова посылает к инвалидам тех, кто послушен ей и пляшет под ее дудочку. Приказа она не издает, хотя Наташа уже давно лишена работы. Поняв, что я заступилась за Наташу, она делает видимость законности: пишет приказ с выговором за плохую работу и требует его подписать. Если не подпишешь, сказали ей в кассе, не выдадим тебе зарплату. И Наташа, уже отстраненная от работы, подписывает эту липу.

Сходили в магазин и «выяснили», что Наташа «присвоила» у своей подопечной — Плотниковой — талоны на продукты питания, и Наташа вынуждена идти к Плотниковой и брать ее роспись в том, что продукты выкуплены ею, доставлены Наташей домой.

Каждый день новые издевательства, обвинения, и Наташа ходит туда-сюда и доказывает, доказывает, доказывает... что она не вор, не жулик, не лодырь. Сколько пролито слез, проведено бессонных ночей, сколько унижений, издевательств, оскорблений — не описать, не рассказать. А пойди Наташа на поводу у Резяповой — все было бы в норме.

Страшный человек Резяпова, подлый, бездушный. И ведь с Наташей она расправляется только ради того, чтобы лишить меня помощи как инвалида первой группы. От Наташи требовалось одно: чтобы она доносила на меня и жаловалась, что со мной невозможно контактировать. Наташа не пошла против совести, и Резяпова решила ее убрать, заменив более послушными и покладистыми. А те, кто работает у нее с другими инвалидами, в один голос кричат, что они не пойдут обслуживать меня — хотя ни одна из них меня не знает и ни разу не видела, ни разу у меня не бывала.

Когда Наташа уходила в отпуск, Резяпова мне заявила, что ко мне никто не хочет идти. И сейчас, когда Наташа уже не работает, ко мне никого не прикрепляют.

Обо всем этом был поставлен в известность председатель горсовета А. Ф. Ворьпаев, но результата от этого никакого. Нет до сих пор приказа об увольнении Наташи, хотя работы она лишена уже более двух недель. «Никакая Сергиенко тебе не поможет, я напишу тебе в трудовую такую статью, что никуда тебя на работу не примут, если ты не напишешь заявления об уходе по собственному желанию», — требует Резяпова от Наташи.

Горько рыдает Наташа, а к ней жмется Оксанка, умом не понимающая беду матери, а лишь детским сердечком проникаясь болью своей измученной матери. А я, глядя на этих беззащитных «маленьких людей», думаю: где же тот всемогущий Бог, который спокойно взирает с небес на эти слезы, на истязания и надругательства многих и многих одной циничной и злобной, бездушной и подлой Резяповой? И еще раз убеждаюсь: нет никакого Бога небесного, есть лишь земные «боги» — это резяповы!

Так где искать защиты всем нам от произвола распоясавшихся «земных богов»? Ведь прокурор Скорик отказался принять Наташу и даже заявления от нее не взял!

Депутат и Его Тёща

Трудна жизнь всех женщин моего поколения, а тех, кому 70, у кого нет здоровья, она трудна втройне. К тому же 99 процентов женщин моего поколения еще и «маленькие люди», не имеющие никакой защиты.

Судите сами. Когда ушел из жизни 34-летний сын Елены Алексеевны, душевное потрясение ее было непреодолимым. Она вынуждена была пойти к психиатру, но тот бесцеремонно выставил ее за дверь. Не так старят годы, как горе, беды. Квартира есть, получает пенсию. Не избалованная достатком, Елена Алексеевна не ропщет. Находит силы посадить картошку, обеспечить себя овощами на зиму.

Чем она не угодила преуспевающим своим соседям — бывшему (а может, настоящему?) коммунисту Маргульцу и его супруге, доводящимся Тестем и Тещей известному городскому Депутату, имеющему большой чин в горсовете, Елена Алексеевна и сама не знает. В силу своей принадлежности к КПСС сам Маргулец всегда имел в ААПП большой вес, а значит, и отличную всегдашнюю обеспеченность. Они, эти вечные приспособленцы, всегда умели и умеют жить без лишних хлопот. Не успел их титулованный зять еще всерьез укорениться в Совете, как у Маргульца уже появилась автомашина. А Елена Алексеевна по сравнению с респектабельными Маргульцами и их зятем — человек «маленький».

И, возможно, не произошло бы того, о чем я расскажу, не будь у супругов Маргулец высокопоставленного зятя. Именно на безнаказанность рассчитывала Теща Депутата, когда, подкараулив на площадке Елену Алексеевну, учинила над нею расправу. Пригодилась буханка хлеба, вырванная из рук тяжело поднимавшейся по лестнице старушки —. чтобы обрушить ее на ее же голову. С яростью Теща Депутата затолкала Елену Алексеевну за мусоропровод и что было силы дубасила ее там по чему попадя. Разлетелась вдребезги двухлитровая банка с молоком. При падении Елена Алексеевна потеряла сознание. На шум повыглядывали из дверей соседи, но заступиться побоялись: ведь «бой» вела все-таки Теща Депутата. Наконец муж разъяренной Тещи решил остановить воинствующую супругу, а то ведь та могла и до смерти забить беспомощную Елену Алексеевну. Нашлись добрые люди, вызвали «скорую помощь» и пригласили участкового милиционера.

Страж закона Л. Л. Миненко явился к избитой старушке спустя семь часов, предварительно побывав у самого Депутата и у его Тещи. Заявление Елены Алексеевны он читать не стал и принять его отказался, пообещав, что все уладит миром. Когда же сам Тесть Депутата увидел Елену Алексеевну у дома, замахнулся на нее уже своей сумкой с продуктами, обещая повторить действия своей супруги. А супруга его в ожидании участкового быстренько убрала следы своего воинственного действия: разбитую банку, подтерла пролитое молоко, как будто ничего и не было.

А Елена Алексеевна с кружащейся от ударов Тещи головой, с подскочившим давлением, вызывала врача Л. К. Карнаухову, которая советовала ей подавать в суд на Тещу Депутата.

Отлежавшись, она пошла в милицию, но никого там не застала. И спустя уже время нашла в себе силы пойти с заявлением в суд. Один из соседей посоветовал ей прийти ко мне. Бедная женщина всюду искала помощи и сочувствия. А чем же могла помочь ей я, сама такой же, как и она, «маленький», но еще и вечно гонимый и преследуемый человек? Пообещав опубликовать этот отвратительный случай в газете, я посовстовала идти в суд. Елена Алексеевна так и поступила, но что это даст ей, предугадать трудно: ведь ее преследовательница как-никак — Теща Депутата.

Позвонила я и самому Депутату и услышала от него обычное вранье. Добралась я и до начальника Миненко, тоже Депутата горсовета, — Алиева, и тоже услышала очередную ложь о том, что Елена Алексеевна отказалась писать заявление и решила дело закончить мирно. Я уже знала, что это было враньем. Алиев же свои доводы мотивировал тем, что он полностью верит своим подчиненным. И тут главную роль играл факт, что Елена Алексеевна человек «маленький», а Депутаты Алиев и зять кровожадной Маргулец — лица, так сказать, «значительные». А свой свояка, как известно, видит издалека, то бишь рука руку моет, или, как еще говорят в народе, ворон ворону глаз не выклюет.

Цинизм и агрессия власть имущих в нашей обездоленной России, «узаконенные» совершенно бездействующими законами, стали нормой жизненного уклада всего общества и бичом для «маленького человека». И носители этого бича — моргульцы, резяповы, так называемые депутаты с их тещами и им подобные.

И я все думаю о том, что было бы, если бы на месте Елены Алексеевны оказалась Теща Депутата? Без сомнения, Елене Алексеевне было бы уготовано место на нарах где-нибудь в одной из отечественных колоний. А так... Хорошо быть Тещей Депутата, да еще чиновника высокого ранга! Ну а если зять не Депутат, а просто шофер, слесарь или сторож? Если вообще нет никакого зятя?

Этот вопрос я адресую депутату Алиеву, члену административной комиссии городского Совета.

Е. СЕРГИЕНКО,
инвалид 1-й группы.

АРСЕНЬЕВСКАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА В МАРТЕ 1991 г.

Октябрь 1992 года ● № 11 (16)

Цена свободная

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ Г. АРСЕНЬЕВА

Дела «маленького человека»

„Я равен вам, я — человек!“

В предыдущем, десятом номере «АГ» мы рассказали о надругательствах над нашими горожанками — Наташей Чапило и Еленой Алексеевной Клименко. Но на этом мы не ставим точку. Продолжая тему «маленького человека», мы сегодня поведаем вам, дорогой читатель, как обстоят дела

У Наташи

21 сентября 1992 года состоялось судебное рассмотрение иска Наташи к зав. горсобесом Резяповой, незаконно уволившей ее с работы.

На суд Резяпова явилась во всеоружии, привела около десяти человек своих подчиненных в качестве свидетелей. Четыре молодых, здоровых женщины поливали грязью Наташу в угоду своей руководительнице. Противно было видеть и слышать это неприкрытое хамелеонство.

А мы 18 сентября посетили Наташиных подопечных, которых она обслуживала с 1987 года и к которым уже два месяца Резяпова ее не допускала, и все, что там увидели и услышали, отразили вот в таком документе:

Журналистское расследование жалобы, проведенное совместно с членами комиссии по социальной защите клуба «Демократ» г. Арсеньева.

«В редакцию «Арсеньевской газеты» и одновременно в клуб «Демократ» поступила жалоба от Чапило Натальи о ее незаконном увольнении с работы. В 10-м номере «АГ» об этом был опубликован соответствующий материал. Одновременно была создана комиссия по установлению этого факта. Проведено журналистское расследование и установлено при посещении инвалидов-пенсионеров, обслуживаемых Н. Чапило, следующее:

1. Беседа с инвалидом Ширинской Прасковьей Павловной. Она рассказывает, что всю эту неделю ее никто не посещает и ей приходится очень трудно, потому что она не может выходить на улицу за продуктами. Ей жилось намного легче, когда ее посещала Наташа, приносившая ей хлеб, молоко и прочие продукты.

Наташа, по словам Ширинской, очень добрый, отзывчивый человек, всегда задержится, посидит, поговорит, что-нибудь расскажет. Просит, чтобы к ней снова приходила Наташа. Она говорит, что подписала жалобу Наташи о восстановлении ее на работе. А после этого к ней приходили из горсобеса и в чем-то обвиняли Наташу, и хотя «я с ними не согласилась», все равно стала приходить другая женщина, а теперь и она перестала ходить, и у инвалида Ширинской нет ни молока, ни хлеба.

2. Супруги Синявские. Жена Мария, как только речь заходит о Наташе, начинает плакать и повторяет все то же, что говорила нам и инвалид Ширинская. Уже после того, в слезах говорит нам Мария Синявская, приходили женщины из горсобеса и возмущались Наташей. А им с мужем лучшего человека, чем Наташа, и не нужно. Наташей они довольны и просят вернуть им ее.

3. Ветеран Великой Отечественной войны Конев Михаил Иванович говорит, что после того, как он подписал жалобу Наташи, к нему пришли сотрудники горсобеса и допытывались, моет ли ему пол Наташа. Он им ответил, что эту работу он делает сам, а обслуживанием Наташи он совершенно доволен и считает, что увольнение Наташи недоброе и незаконное дело. После всего этого его лишили талонов на бесплатное питание, и он считает, что сделано это за ту поддержку, которую он оказал Наташе в ее правом деле. Пожаловался, что он одинокий, старый и больной человек и без горячей пищи ему сейчас приходится очень трудно. К тому же с 15 сентября к нему уже никто не приходит, нет и той женщины, которая ходила вместо Наташи. Его желание однозначно: Наташу необходимо на работе восстановить.

4. Сергиенко Е. с первых дней отстранения от работы Наташи лично занималась ее восстановлением, считая увольнение простой местью.

5. Плотникова Домна Васильевна. При упоминании о Наташе старушка расстраивается и нам стоит большого труда ее успокоить. Вот ее личный рассказ: «Как они могли уволить Наташу? Наташа добрая и сердечная девушка. И мне без нее так плохо, я ее всегда ждала и радовалась ее приходу. И как она, бедняжка, будет без работы? Ведь у нее больной ребенок, и она осталась без куска хлеба в такое трудное для всех нас время. Разве так поступают по-человечески? Что же это они делают-то? — вопрошала нас Домна Васильевна. — Они после моей подписи в Наташиной жалобе пришли ко мне и стали ругать Наташу. Я с ними не согласилась и стала с ними спорить. Они ушли и мне после них стало очень плохо, сердце схватило. Я прошу вас помочь мне вернуть к нам Наташу. И у меня снова будет и хлеб и молоко. Я снова подпишу свою просьбу суду, чтобы у Наташи была работа и ее ребенок не был голодным».

ВЫВОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Только у одних супругов Синявских в квартире относительный домашний уют. Эти два стар採ньких беспомощных человека согревают своим теплом друг друга. Петр Яковлевич сердечно бережет свою старенькую жену. Он прошел все беды войны, все тяготы жизни, но никогда ни словом не обидел любимого человека. В доме запах свежей приготовляемой пищи. Увольнение Наташи они искренне переживают и будут благодарны ее возвращению.

А вот у Ширинской П. П., Плотниковой Д. В. и особенно у ветерана войны Конева Михаила Ивановича одиночество и житейская неустроенность видны во всем. Этим беспомощным людям как воздух нужны телефоны, которые бы их связали с врачами, магазинами, с той же Наташей и другими людьми, а у них таковых не имеется. Этим людям так необходимы и помощь, и слово доброты, слово сочувствия, простое человеческое внимание. Именно этим и делилась с ними Наташа, будучи по характеру сердечной и бескорыстной, искренне сострадая стареньким людям. И только за это они ей искренне благодарны, и все просят вернуть ее им — хотя все они между собой совершенно незнакомы. А горсобес после того, как инвалиды заступились за Наташу, в отместку лишили их бесплатного питания.

Мы, члены комиссии, присоединяемся к просьбам пенсионеров-инвалидов и просим восстановить незаконно уволенную Чапило Наташу.

О. ВАЧАЕВА,
В. ТЕРЕНТЬЕВА,
члены комиссии по социальной защите клуба «Демократ» г. Арсеньева.
Е. СЕРГИЕНКО,
журналист «Арсеньевской газеты»

18 сентября 1992 г.

В СУДЕ выяснилось, что после отпуска на Наташу Резяпова обрушила целый поток обвинений и, не издавая приказа о ее увольнении, отстранила ее от работы. С третьего августа вместо Наташи уже работала Надя, а приказ на Наташу подписан 11 августа, причем по ст. 33, как за систематическое невыполнение своих обязанностей.

Наташа уже не работала, а Резяпова весь август все писала и писала на нее акты, посылая к Наташиным, уже бывшим, подопечным своих подчиненных из горсобеса. Те, выполняя указания Резяповой, составляли и составляли «акты обследования», в которых писали, что Наташины подопечные мрут с голоду. И хотя Наташины инвалиды все в один голос заступились за Наташу и просили вернуть ее к ним, Резяпова на это, как говорится, ноль внимания, фунт презрения, а инвалидов, в отместку, взяла и лишила талонов на горячее питание.

Естественно, что в горсуде, под председательством судьи О. Р. Ельмеевой и при обвинителе Т. Б. Чаюн была установлена истина, и Наташа на работе восстановлена, с выплатой за вынужденный прогул. Но и тут Резяпова осталась верна себе: она попыталась обмануть судей, представив им заниженную сумму Наташиной зарплаты: вместо 1.900 рублей принесла справку на 1.200. Пришлось судьям самим устанавливать сумму, чтобы не допустить судебной ошибки. Резяпова же даже не покраснела.

Вы не ошибетесь, уважаемый читатель, если сделаете вывод, что работать Наташе уже не дадут. Так оно и есть. Резяпова не вернула Наташу к тем инвалидам, которых та обслуживала с 1987 года и которые за нее заступились. Ее обязали обслуживать инвалидов, которые живут в разных концах города: на улицах Октябрьской, 25 лет Арсеньеву, Садовой, Ленина и Колхозной. В состоянии ли Наташа, имея больного ребенка, обежать всех своих подопечных, чтобы доставить им продукты, лекарства и помочь еще в чем-либо другом? В связи с этим мы задаем вопрос Е. Приходько и А. Ворыпаеву: до каких пор эти две издевательницы, Резяпова и Тарнапольская, будут издеваться над беззащитными инвалидами, попирать всякую человеческую мораль и нравственность?

Мы, инвалиды, обещаем, что будем стойкими в отстаивании своих человеческих прав, будем бороться за свое выживание в трудное для всех нас время. И пусть Резяпова об этом не забывает!

А что у Елены Алексеевны?

Она пошла к судье Доровских. А тот, пригласив ее на собеседование, потребовал от нее характеристику, как будто в недалекие благословесные времена принимал к себе на работу поруганную женщину. И снова пошла Елена Алексеевна собирать свои характеристики: одну с последнего места работы, другую — у домкома, третью в — ЖРЭКе горисполкома, четвертую...

Но Доровских это не устраивало. Он потребовал, чтобы Елена Алексеевна шла к судомедэксперту. А ведь участковый уполномоченный Л. Миненко обязан был сделать это сразу же, когда был приглашен к Елене Алексеевне после побоев ее. Теперь же, спустя полмесяца, конечно же, следы побоев если не прошли, то уже явных признаков их не было. Тем не менее старушка была вынуждена пойти и туда. А там ей сказали, что они на руки такого документа не выдают, а высылают по требованию суда, если судом будет сделан запрос.

И вот ходит, ходит, ходит старый поруганный «маленький человек» и доказывает, что он не верблюд, а действительно настоящий, живой человек. И хотя «маленький», но все равно у него есть душа, которая болит от унижений, побоев и надругательств.

Собрала Елена Алексеевна требуемые Доровских бумажки и отнесла ему, а он, не глянув на них, швырнул их на окошко и, по всей видимости, имея в этом огромный опыт, выбросил все эти пустопорожние, никому не нужные «характеристики» в мусорную корзину, как выбросил из своей судейской памяти и «маленького человека», старую и поруганную побоями Елену Алексеевну, и, как говорится, «в ус не дует».

Между прочим судья Доровских, не в пример судье Ельмеевой, уже многократно «спускал на тормозах» иски и заявления от граждан, приходивших к нему на приемы. Однажды он три месяца держал у себя в столе наши документы и нам пришлось уже через краевой суд у него их изымать. А неискушенная Елена Алексеевна допустила ошибку, не зарегистрировав свое заявление в секретариате суда, и теперь судье Доровских ничего не составляет их вообще выбросить и не ответить Елене Алексеевне на ее заявление. Доровских такое допускает в том случае, когда перед ним оказывается «маленький человек» и его необходимо защитить от произвола власть имущих.

Читатель! Запомни эту фамилию — городского судьи ДОРОВСКИХ! И когда тебе нужно будет выбирать себе судью (должность судьи выборная), вычеркни эту фамилию из бюллетеня — он того стоит. Этим ты обезопасишь себя от произвола, но уже судейского.

Найдет ли себе защиту Елена Алексеевна, сказать трудно. Пока она ее не нашла. Уж очень она человек-то «маленький».

Библиотека Народного Мемориала

АРСЕНЬЕВСКАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА В МАРТЕ 1991 г.

Ноябрь 1992 года ● № 12 (17) — 13 (18)

Цена свободная

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ Г. АРСЕНЬЕВА

Всё это было бы смешно...

Партократии есть что терять. Чтобы вернуть свои привилегии, она исступленно сплачивается, спекулируя на бедственном положении народа. Народ же для нее — всего лишь лестница, с помощью которой она взбирается на вершины правления и которая, в случае успеха, убирается за ненадобностью — и тогда бесследно улетучивается «неутихающая боль» за унизительное существование «своего» народа, по-прежнему остающегося для нее быдлом, удел которого — жить милостивой подачкой своего Господина, то бишь ее благосклонной милостыней.

В один из октябрьских дождливых дней на площади, что перед кинотеатром «Космос», активизировавшиеся коммунисты провели митинг. Конечно же, незаконный. Они не делали заявку, а, воспользовавшись тем, что заявитель — профсоюз не стал проводить заявленный митинг, провели свой. Благо администрация города давно игнорирует Закон Президента о приостановке деятельности КПСС и коммунистам в нашем городе живется вольготно — они действуют открыто.

И на этом митинге произошел некрасивый инцидент, когда гражданина Демченко пытались удалить из-под «космосовского» навеса, а другому гражданину, державшему антикоммунистический плакат, исцарапали в кровь лицо. Ну да не беда, эти люди и не такое творили в годы своего владычества в России.

Не менее интересные дела происходили и на митинге коммунистов, посвященном октябрьским торжествам.

Те, кто видел митинги, проводимые демократическими силами города, припомнят, что собирались на них люди в основном не роскошно одетые, площадь заполнялась до отказа, на трибуне микрофон никому не отказывали, слово предоставлялось любому желающему.

7 ноября вокруг импровизированной трибуны народу было негусто, но и не так уж мало. Человек двести, не меньше. И одеты они были в основном в добротную одежду, окантованную мехами, и на головах дам не было видно дешевеньких платков. Преобладал элитный народ.

А уж на трибуне, как водится, возвышалась вся номенклатурная знать города, по-прежнему владеющая всеми властными структурами города. И критика в адрес правительства и президента была яростно-зажигательной, что вполне объяснимо: этим людям было и есть что отстаивать, они-то знают, чего лишила их «несостоявшаяся перестройка».

Как и полагается, было много сотрудников милиции: элита без охраны?! Это уже не элита!

Но самое интересное происходило с тыловой стороны трибуны, которую заменила большая грузовая автомашина, и подняться на нее можно было по лесенке. У лесенки стояло несколько милиционеров, и все-таки путь к микрофону на машине строго контролировался. Кем бы вы, уважаемый читатель, думали? Да, да! Его охранял Владимир Георгиевич Беспалов, лидер коммунистов г. Арсеньева. Без его визы проникнуть на трибуну было невозможно.

И все-таки произошло непредвиденное. Как-то Владимир Георгиевич оплошал, и на трибуне оказалась И. Г. Гребнева, где ей пообещали дать слово. И тут Владимир Георгиевич заметил эту «крамольную» женщину. Господи! Что тут началось! Он требовал у ведущих митинг, стоящих на машине, не давать ей слова. Требовал, чтобы ее оттуда убрали, для чего посылал туда своего подручного, который, стоя возле него, молниеносно выполнял любое его указание.

Наверху его не было слышно, и Гребнева тоже не слышала, чего от нее требовали. А поняв, попыталась объясниться с Беспаловым, но он ничего слушать не желал, требуя ее удаления. Было смешно смотреть, как Беспалов пытается удалить с машины-трибуны женщину, у которой было приготовлено просто поздравление для пришедших на площадь.

Беспалов нервничал, волновался. И тогда я ему посоветовала стащить И. Гребневу с трибуны прямо за юбку, посулив при этом опубликовать выразительное зрелище в газете. Беспалов пообещал мне подать на меня в суд, назвав меня «иудой». Тут же был вездесущий А. Демченко, которого тоже нужно было оттеснить от машины, хотя он не претендовал ни на микрофон, ни на трибуну.

Тот, кто был возле Беспалова, готов был вступить врукопашную с любым, на кого покажет ему его шеф. Ситуация у лесенки была не столько напряженной, сколько комичной. Жаль, что не было репортера с кинокамерой — было бы над чем посмеяться нашим горожанам. Наконец И. Гребнева, поняв, чего от нее хочет Беспалов, извинилась перед людьми на площади и сошла с трибуны.

Но тут появилась уж очень бедно одетая старушка и потребовала у Беспалова слова с трибуны. При этом она заявила, что расскажет, как она, вдова погибшего фронтовика, годами обивала и продолжает обивать пороги, в том числе и те, за которыми властвовал он, Беспалов, и как он над ней издевался и смеялся, когда она к нему приходила.

Беспалов был в растерянности, не знал, как от старушки отделаться, а она на него наседала, требуя слова с трибуны. Наконец на старушку надвинулся слуга Беспалова, и ей бы пришлось худо, если бы я не загородила ее от этого усердного охранника Владимира Георгиевича. На помощь охраннику подоспел сотрудник милиции, и они вдвоем «одолели» старую женщину, дав возможность Беспалову снова занять свой сторожевой пост у входа на трибуну. Ох как трудно приходится Беспалову с теми, кого они, коммунисты, 70 лет обирали, унижали, преследовали и за кого они теперь ратуют в своих выступлениях на митингах.

Было холодно, и я вскоре ушла домой.

А позднее у меня состоялся телефонный разговор с Владимиром Георгиевичем. Я его поздравила с праздником и поблагодарила за то, что он не дал слова И. Гребневой: ведь ее там просто освистали бы, как это произошло на первом городском митинге в нашем городе с самим Беспаловым и его коллегой О. Шевченко.

Разговор наш был довольно продолжительным, но мне из него запомнилось основное: Владимир Георгиевич твердо заявил, что я есть самый неперевоспитуемый враг советской власти.

Вы абсолютно правы, Владимир Георгиевич! Я действительно истый враг той власти, которой вы обладали 75 лет, обладаете ею в какой-то мере и сейчас, и всеми силами, законными и незаконными, стремитесь ее себе возвратить. И если эта власть именовалась советской, то я действительно ее враг. И до конца жизни буду бороться против вашей власти.

И еще. Владимир Георгиевич грозил нам событиями, которые должны произойти на очередном съезде депутатов России, 1 декабря. И предупредил, что если съезд не сможет осуществить задуманное, то уж тогда, как он выразился, — «мы сами займемся наведением порядка в стране». Правда, как они будут это делать, он мне не объяснил, но дал понять, что кое-кому придется плохо и трудно.

И тут вы, Владимир Георгиевич, совершенно правы. Если снова начнете наводить свои порядки, возвращаясь к старым, то многим тысячам, а то и миллионам россиян не миновать расстрелов, тюрем, ГУЛАГов. И это мы знаем и помним.

Е. СЕРГИЕНКО.

Горсобес: помощь малоимущим

Необходим контроль

Наконец-то рядовые горожане имеют возможность провести проверку работы горсобеса в сфере оказания материальной помощи малоимущим слоям населения города (денежной, продуктовой и всякой иной, идущей в наш город из краевого соцобеспечения; гуманитарной из-за рубежа; средств, выделяемых администрацией города).

К сожалению, распределение ее между малоимущими жителями города до сих пор ведется без всякого контроля, почти стихийно. Порой это делается по усмотрению какого-то одного человека и совершенно непродуманно. А это приводит к тому, что помощь зачастую оказывается не тому, кто в ней более всего нуждается.

Наша комиссия работает недавно и сделаны первые попытки разобраться в этом запутанном деле. Говорить о каких-либо конкретных результатах нет смысла: их пока нет. Но то, что удалось выяснить, дает право заключить, что помощь оказывается не лучшим способом.

Очевидные примеры:

1. Краевая администрация своим письмом от 16.07.92 г. обязывает горсобес создать постоянно действующую ревизионную группу, утвержденную малым Советом, для систематических проверок работы по распределению различной помощи малообеспеченным слоям жителей города. Группы этой до сих пор нет.

2. Исчезновение кульков с расфасованными продуктами не расследовано, они просто списаны. Ответственный за продукты не выявлен.

3. Со Спасской базы 2—4 июня получено 35 тонн риса без сертификата качества, в результате чего 4.384 кг пришли в негодность и списаны на корм скоту. Они заменены другим продуктом, равным по сумме.

4. В списке инвалидов 1—3 групп от 24 февраля и 31 марта на выделение денежной помощи в сумме 200 рублей решением малого Совета от 5 февраля с. г. за № 50 (было роздано 74,600 рублей) 33 человека по неизвестной причине внесены дважды под разными номерами (например, О. К. Машкова под № 22 и 120, Е. И. Турпак — под № 52 и 145, А. И. Спирина — под № 37 и 145 и т. д.). Неизвестно, кто дал такое распоряжение и на каком основании.

Распределение проводило общество инвалидов.

Примеров несправедливого распределения различной помощи можно приводить много. Все они будут доведены до сведения соответствующих инстанций. А пока работа по проверке распределения, получения и реализации различной помощи населению продолжается.

Десятки устных и письменных жалоб на **грубейшее** отношение работников горсобеса к своим подопечным поступили в адрес комиссии. Особенно разнузданно ведут себя с пенсионерами, инвалидами, с многодетными матерями сама заведующая горсобесом А. Е. Резанова и ее «правая рука» З. В. Дорожкина. Кстати, именно эта Дорожкина единолично распределяет талоны на горячее питание, и мы выявили несколько случаев, когда талоны выдавались не по назначению.

Резанова же оказала яростное сопротивление, когда мы начинали деятельность по проверке работы горсобеса. Нам стоило немалых усилий, чтобы приступить к работе. И мы вынуждены сделать следующее пожелание работникам горсобеса: необходима строжайшая отчетность по распределению и раздаче каждой полученной продукции и всех прочих средств помощи, недопустима текучая отчетность с одним и тем же списком тех, кто получает помощь. При такой отчетности невозможно установить, кому, когда, какая помощь была оказана и была ли эта помощь выделена именно тому, кто в ней более всего нуждается. Нельзя из такой отчетности установить, вся ли выделенная горожанам помощь дошла по назначению.

И еще, не менее важное: в этом учреждении обязательно должна быть книга, в которую любой посетитель мог бы внести жалобу, предложение, заявление, совет. Об этом должно быть вывешено объявление — где, у кого находится книга и кто за нее ответствен.

Мы обращаемся ко всем, кого это в какой-то мере касается и кто может сообщить что-либо членам комиссии о проблемах, которые мы поднимаем. Можно позвонить по телефону 2-33-37 в вечернее время или написать по адресу: г. Арсеньев, ул. Калининская, дом 14, кв. 26, Ушакову Николаю Степановичу. Или на адрес редакции «Арсеньевской газеты».

Н. УШАКОВ,
член комиссии городского Совета.

Библиотека Мемориала

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.